

Часть первая

Родители и сыновья

Содержание первой части

<i>Введение</i>	11
<i>Глава 1 Об отце</i>	15
Семья.....	15
Учёба, плен, женитьба.....	16
Работа, тюрьма, работа.....	20
Эпизоды.....	26
<i>Глава 2 О матери</i>	31
Семья.....	31
Самостоятельная жизнь.....	34
Отступление о бабушке.....	35
Работа.....	36
К здоровью.....	38
Общение.....	40
К концу.....	43
<i>Глава 3 О брате</i>	45
Начало.....	45
К профессии.....	47
Критик и гибель.....	56
К отзывам и воспоминаниям.....	59

<i>Глава 4</i>	<i>Отзывы и воспоминания о М.Иофьеве</i>	61
	Письмо Корнея Чуковского относительно статьи об И.Бунине	61
	Заметка Бориса Алперса о книге М.Иофьева.....	62
	Статья Нателлы Тодрия.....	63
	О критике В.М. Гаевском, друге М.Иофьева.....	65
	Тексты Вадима Гаевского.....	66
	Комната в коридоре.....	66
	Из книги «Дом Петипа».....	69
	Из книги «Разговоры о русском балете».....	71
	Из «Книги расставаний. Заметки о критиках и спектаклях».....	72
	Из главы «Профессора и студенты».....	72
	Из главы «Матвей Иофьев».....	74
<i>Глава 5</i>	<i>О себе, составителе</i>	91
	Молодость.....	91
	В воспитательных заведениях.....	91
	За верхним образованием.....	92
	Друзья, встречи, семья.....	93
	В очном институте.....	97
	Работа.....	99
	Поступление на работу.....	99
	Эксплуатационная работа.....	100
	Проектная и исследовательская работа.....	103
	В новом времени.....	110
	Переезд в Германию.....	112
	Решение.....	112
	В Германии.....	113
	Общественная работа.....	114
	Встречи с медициной.....	115
	<i>Дополнение. Из письма моей жены Людмилы о её родителях</i>	117

Введение

Я осознаю скупость слов и фраз, из которых построены эти отрывочные и, боюсь, не во всём точные записи.

Сухость стиля определена назначением текста – он почти чисто информационный.

Сыграла свою роль, конечно, и моя привычка писать научные тексты безлично, привычка, так надоевшая мне самому, но жестко насаждаемая редакторами. За редким исключением редактор советской школы старается не переступить за область канцелярских штампов, решительно исключая личность автора; намек на личное была возможна не далее выражения «полагал бы», которым пестрит переписка между бывшими вождями страны. Мой курьезный диалог с редактором моей книги (приблизительно 1970 года):

– Так не пишут, давайте менять.

– Как не пишут? Такое выражение легко можно найти у Толстого!

– Вы не Толстой.

Между тем, редактор, которая не позволила подражать Толстому, не жалея труда, скрупулёзно выполнила свою работу, заставив меня устранить неопределённости текста и исключив в нём всевозможные огрехи. Сожалею, что последующие мои публикации столь внимательному редактированию не подверглись, а данное издание обходится вообще без редактора. Впрочем, в последние десятилетия по текстам сочинений некоторых неизмеримо более значительных и читаемых авторов заметно, что и им приходилось обходиться без должной редактур.

Недостаточность сведений о родителях объясняется совсем другими обстоятельствами. Их несколько.

Во-первых, мои родители, как и большинство их современников, опасались распространяться о себе, о своих родственниках, о своей стране и т.п., в свои воспоминания и оценки особенно мало посвящали детей. Отсюда – о жизни моих родителей, протекавшей как будто на моих глазах, я знаю не всё и ещё меньше – о более ранних событиях.

Характерно, что после моих родителей осталось крайне мало бумаг, в основном – письма последних 30-ти лет, да и то далеко не все, а после брата – вообще почти ничего личного, кроме списка долгов. Зная внимание «органов» к его широкому кругу подозрительно интеллектуальных знакомых и, следовательно, к нему, он уничтожал всё, что могло бы быть ими использовано не против него (таких бумаг и не писалось), а как отправные точки о знакомствах и датах. Однако, список долгов велся по необходимости пунктуально; но в нем имена кредиторов брат записывал не совсем внятно, и, чтобы разобраться, нужно было быть хорошо знакомым с его кругом.

Родители с сыновьями в 1938 году.

Во-вторых, события начала 20-го века, вызвавшие резкое изменение образа жизни родителей по сравнению с прежним, традиционным (черта оседлости, идиш, иудаизм, род занятий), оторвали их от корней и лишили естественной преемственности и памяти об их предках. Тем более – я; я лишь кое-что знаю о моих бабушках и дедушках, а о более ранних предках – совсем ничего. О том поколении мои представления

созданы только книгами и только чуть менее туманны, чем сведения о спутниках Александра Македонского.

Кстати – о языке. После 1917 года новое правительство, испытывая по меньшей мере недоверие старого образованного общества, не склонного к сотрудничеству, т.е. за неимением лучшего, призвало на службу обученных в русских учебных заведениях евреев. Те, в силу разнообразных притеснений и погромов не питали особых симпатий к прежней власти, и еврейская молодежь охотно откликнулась на этот поворот новой власти. Попав в русскую не религиозную среду, она почти полностью порвала с еврейской культурной традицией. Получилось многочисленное поколение, которое, потеряв старые корни, в силу возраста не приобрело новых корней. Таковы, например, мои родители – они забыли еврейский фольклор, а с русским знакомы не были. Поэтому в моем детстве почти никакой фольклор не фигурировал, разве что немного от деревенских девушек-нянек, позже довольно полно – с улицы и немного в школе на уроках литературы (былины и т.п.). Уже взрослым много слушал деревенские частушки. Отсюда невольная сухость моей лексики, и это, как мне кажется, обычно среди моих сверстников и затем передаётся нашим детям. Конечно, есть и счастливые исключения – те немногие, для которых язык – инструмент профессии, и разделы этой книги, касающиеся моего брата, это подтверждают.

Родной язык родителей – идиш, но на моей памяти отец совсем его забыл, а мама во время войны что-то еще понимала, потом использовала некоторые восклицания, а последние лет тридцать и это исчезло. Я помню, как звучали два восклицания: хвэйс! (видимо, близкое к немецкому *ich weiß!* – я знаю! как я могу это знать!) и кинанхоре! (пожелание здоровья).

В-третьих, вопреки желанию мамы, я в молодости пренебрегал близостью родственников, эмансипированно заявляя, что мне ближе мои приятели, дело не в родстве, а в приязни и т.п., а будучи уже взрослым, я в течение длительного времени мало интересовался прошлым родителей, не подталкивал их вспоминать и за занятостью ленился записывать хотя бы то, что услышал из не опасного. Как сказано, мы «ленивы и нелюбопытны». Ведь многое в данных текстах основывается на рассказах родителей, записанных мною на магнитофонную пленку в 1978-79 годах, когда мне было уже под пятьдесят, а им за восемьдесят.

В-четвертых, влияли также личные склонности к отношениям с людьми. Например, мой отец в зрелом возрасте был так поглощен своей работой, до 1938 года – творческой, и трудным бытом своей собственной семьи, что проявлял мало интереса к родственникам и знакомым. Влияло также и то, что его жена (моя мать) была в натянутых отношениях с его сестрами. Не зря он много раз ездил проведать своих родителей (на трамвае от улицы Горького до Новинского бульвара), взяв с собой только меня. Все это привело к тому, что о родителях, братьях и сестрах отца я знаю совсем мало.

Характерно, что мои родители решились рассказать под запись многое, раньше не известное мне, но только из давних времён, а вести рассказы дальше не пожелали. Сказалась ли тут привычная осторожность, или я вел разговор не в том тоне, или воспоминания слишком их волновали, – мне не известно. Сейчас мне это понятнее, чем раньше. Погружение в прошлое ярко восстанавливает в памяти совсем небезразличные картины, и я испытываю эмоциональную встряску, хотя, записывая так или иначе известные мне факты, избегаю оценки.

Несмотря на эмоциональные трудности, я стараюсь поточнее восстановить в памяти и описать обстоятельства прошлой жизни, и делаю это, насколько позволяет возраст, занятость насущными делами и присутствие духа. Надеюсь, и мои читатели не без интереса познакомятся с этими обстоятельствами, и, может быть, это поможет им лучше понять себя и общество.

О каждом члене моей немногочисленной семьи я старался рассказать отдельно, хотя переплетений избежать не удалось.